

С.М. Крыкин

Фракийский серебряный ритон с позолотой из Болгарии

Статья посвящена первой публикации уникального памятника искусства из Древней Фракии. Серебряный ритон начала IV в. до н. э. был открыт около 140 лет назад в Болгарии и попал вскоре в Россию. Он был сделан фракийским мастером и подарен царю Котису. Ритон происходит из раскопанного кургана или случайно найденного клада. Пока хранится в частной коллекции.

Ключевые слова: серебряный ритон; Фракия; Котис; Болгария.

Серебряный ритон с позолотой ряда деталей (древняя техника листово́й позолоты) представляет собой изделие из категории фракийских историко-археологических ценностей образца найденных в Розовце (Рахманалий), Панагюриште, Луковите, Летнице, т. е. значимых памятников древней торевтики первой половины IV в. до н. э. Сразу же стоит заметить, что именно ритоны и фиалы из благородных металлов являлись культовыми инсигниями фракийских царей [11: с. 101].

Изделие выполнено из высокопробного серебра, хорошей сохранности (явно подверглось очистке, но при этом, похоже, местами оказалась затерта часть позолоты). Ритон изготавливался в технике литья из нескольких частей. Внутри просматриваются швы пайки (спекания). Ритон помимо широкого функционального отверстия (отвора) диаметром 7 см имеет три крохотных отверстия: рот лани (возможно, серны, но некоторые болгарские специалисты все-таки увидели в ней олениху, поэтому лань) и ноздрей льва (одно из двух на ободке-тулове изображений со сценами терзания львами копытных — оленя и оленихи (лани)). Ритон имеет вполне обычные для фракийской торевтики габариты: высота — 17 см, длина морды лани — 10 см, ширина (разлет ушей лани) — 17 см. Вес изделия — примерно 420–430 г. У края раструба (отвора) ритона прорезана надпись КОЗУ, тогда как обычно надписи на фракийских изделиях выбивались точками пуансоном. Судя по всему, надпись была прорезана позднее на уже готовой вещи.

Так, на одном из предметов золотого Панагюрского сокровища были, похоже, позднее вырезаны мерные значки, которые серьезно повлияли на попытки датировать этот уникальный клад и локализовать его изготовление — поначалу же предполагалось изготовление золотых артефактов в малоазийском Лампсаке и маркирование относили к этому времени — в конец V – начало IV вв. до н. э. [2: с. 132 и сл.]. Если же маркировка наносилась позднее, в период правления во Фракии эллинистического властителя

Серебро. Литье, ковка, соединение деталей, пластическая деформация;
листовая позолота. 17 × 17 × 7 см
Начало IV века до н. э. Частная коллекция

Лисимаха (конец IV – первая четверть III вв. до н. э.), то она могла обозначать и достижения местных, фракийских мастеров — отныне возобладала такая точка зрения знаменитейшего болгарского археолога-«курганщика» Г. Китова (см. [8; 2: с. 132–142; 5: с. 208–210, илл. 67]. Изоформа имени великого владетеля из династии Одрисов (в дат. падеже — намек на приношение уже готовой вещи, а не специально изготовленной для него изначально — Котису, а не Котиса) указывает на время правления этого царя (прим. 383–359), но все же возможно и еще большее уточнение. Поскольку Котису было предназначено уже готовое изделие, то не исключено, что изготовили его даже немного раньше воцарения этого последнего великого одрисского владыки и уже потом, при оформившейся ситуации, оно было ему преподнесено с адресной надписью.

Торевтика северных соседей античных эллинов — фракийцев и иллирийцев — оформилась как историко-художественное явление под непосредственным влиянием южных соседей в позднеархаическое и раннеклассическое время. В нынешней Республике Македония в Требениште исследован некрополь второй половины VI в. до н. э. [15]. Памятник этот в последние годы связывают с появлением там греческих наемников или же основателей государственности в древней Македонии (те же наемники и могли стоять у истоков этой знаменитой спустя века древней страны со смешанным, греко-фракийским населением). На юго-западе Сербии у Нови Пазара исследован иллирийско-греческий комплекс [16], где открыты предметы импортной торевтики первой половины V в. до н. э. Соседи греков быстро переняли базовые технологии изготовления художественных изделий из цветных металлов, и их производство торевтики стало вполне качественным и современным [6: с. 15 и сл.]. Если обратить внимание на стилистические особенности, то позднее появился еще один этнокультурный компонент — влияние оформившейся в Нижнем Подунавье Малой Скифии. У северных фракийцев-гетов длительная этнокультурная интерференция со скифами не могла не отразиться в культуре. Так, у Поройны на территории Румынии был случайно обнаружен зооморфный ритон [1: с. 165, 190, фото 62–64; 3: с. 144–147; 7: илл.; 11: с. 101; 9: с. 58–62, рис. 54–57], немного напоминающий исследуемый в этой статье и датировемый концом IV – началом III вв. до н. э. Следует упомянуть в связи с особенностями такой интерференции и весь клад из Крайовы. Это важно, поскольку в Добрудже геты соседствовали с южными фракийцами и могли ретранслировать скифское влияние. При этом мир художественных образов у фракийцев был и оставался самобытным, логически дополняя порой комплекс сюжетов великой эллинской мифологии [17; 14; 11]. Каждый новый обнаруженный клад фракийской торевтики привносит нечто новое в особенности интерпретации культовых образов не только собственно у фракийцев — при этом используются сравнения со многими изделиями не только из фракийского ареала (той же Поройны, например [10: с. 61]), — но и из просторов подчиненных некогда скифам территорий и всего порядком варваризированного Северного Причерноморья.

Что касается сюжетов изображений, то ближайшим аналогом является ритон из села Розовец (Рахманлий), Пловдивско, открытый среди погребальных приношений в курганном захоронении начала IV в. до н. э. в 1879 (1851?) году [13: рис. 108; 14: р. 84 etc.]. Тот ритон представляет такую же почти голову лани с укороченной шеей, но явно худшей сохранности с одной стороны головы. Вообще исследованию ритонов из древней Фракии посвятил специальную монографию известный болгарский искусствовед Ив. Маразов, в которой нашлось место и детальному рассмотрению изделия из кургана при селе Розовец (Рахманлий в момент находки) [9: с. 68–74, илл. 66–70]. Ив. Маразов вполне логично рассматривает далее и похожие изделия — ритон середины IV в. до н. э., хранящийся в Триесте, и ритон с головой оленя из двух найденных в составе уникального золотого клада из Панагюриште [9: с. 74–82, илл. 71–81]. Следует заметить, однако, что тщательная проработка складок и бровей животного уподобляет рассматриваемый в нашей статье ритон именно аналогичному изделию из знаменитого Панагюрского клада. Аналогично отворы этого и золотого ритона из Панагюрского клада (в виде головы оленя) предельно просто украшены овами [2: с. 138–139, илл. 98–99].

В отличие от ритона из Розовца (Рахманлий), где шея украшена парой силена с менадой, здесь шея служит фоном для двух сцен терзания копытных львами. Олень выступает передними ногами горельефно, рога его немного напоминают лосиные (не случайно в болгарском языке «лось» — «елен лопатар»). Доказывает это лишь то, что во фракийской торевтике изображали традиционно именно конкретную разновидность оленя, точнее, его женскую ипостась — лань («европейскую лань», «даниэль»), т. е. копытных особого вида (*Dama dama* L., 1758). Имеются высказывания, что лани не водились в древней Фракии и их завозили на Балканы из Малой Азии или даже севера Африки, но при этом уже Аристотель считал их частью местной фауны. Замечу также, что серна (*Rupicapra rupicapra* L., 1758), иначе «черный козел», тоже водилась (и водится) на Балканах, и при стремлении древних мастеров передать облик животного максимально реалистично эти два разных вида парнокопытных трудно перепутать. Кстати, сравнительно короткая шея явно отличает в данном случае лань при сравнении, скажем, с благородным оленем. Четко выдержанные пропорции тел этих близких копытных также убеждают, что мастер изобразил именно оленя и олениху (лань). Получилось вполне убедительно и реалистично, как и воспроизводство двух кудрявогривых львов-«терзателей». Стилистически изделие тем самым претендует на датировку начала IV в. до н. э., точнее, 80–70-е гг. до н. э. Позолочены только тела копытных, гривы львов и обод раструба (отвора) с овами.

Сцена «звериного стиля», роднящего культуру фракийцев со скифо-сарматским миром, имеет в центре Балкан условные аналоги в еще двух фракийских кладах — из Луковита и Летницы. Конечно, скромные аппликации — не ритон, но и там лев (львы дожили в естественных условиях на Балканах до II в. до н. э.) неизменно терзает оленя [11: с. 46–47; 14: р. 121; 13: с. 116 и сл.]. Однако эти

сюжеты в Луковите и Летнице исполнены для фракийских владык более схематично и условно, менее реалистично — что намекает на несколько более позднюю датировку — близко к середине IV в. до н. э. (при этом никак не позднее 359 г. до н. э. — вероятного времени гибели последнего великого властителя Фракии из династии Одрисов — Котиса Первого). Эти два клада были открыты около 1963 года, и более ранними аналогами со сценами терзания фракология не располагала до открытия в 1986 году знаменитого Рогозенского клада: изображения на двух кувшинах — № 155 и 156 [4: с. 61 и илл.; 12: с. 101–128]. И тогда стало ясно, что данный сюжет связан с образом Великой богини — покровительницы верховной власти у фракийских племен. Рогозенский клад характеризуется сбором культовых приношений с конца VI до середины IV вв. до н. э. и упомянутые кувшины являются среди них ни самыми ранними, ни самыми поздними. Такие представления не менялись до демонстрации коллекции миллиардера Васила Божкова [5], привезенной для обозрения в Москву в ГИМ в октябре – ноябре 2013 года. Тогда же были представлены и некоторые иные по месту хранения и экспозиции фракийские раритеты. Так, оказалось, что в Софии в Национальном историческом музее хранится ритон первой половины IV в. до н. э. — как и в нашем случае с головой лани, но на фризе верхней части серебряного с позолотой изделия представлена сцена охоты на вепря при участии не только двух людей-охотников, но и двух атакующих жертву собак [5: с. 148–149, илл. 50]. К аппликациям из Луковита и Летницы [5: с. 183–201, илл. 64,1; 64,2; 64,5; 64,6; 64,17] коллекция Васила Божкова добавила серебряные детали конских наборов как второй половины IV в. до н. э. в том же «зверином стиле» [5: с. 164–165, илл. 57], так и первой половины – середины III в. до н. э. [5: с. 166–167, илл. 58]. Наконец, данная коллекция позволила дать обозреть серебряный с позолотой ритон с протомой кентавра, обладающего чертами сходства с известными портретами Александра Македонского [5: с. 244–245, илл. 84]. На среднем фризе ритона III–I вв. до н. э. изображена охота всадников на кабана, а на нижнем фризе в традиции «звериного стиля» собака атакует козла и оленя. В этом изделии синкретически слились сразу несколько этнокультурных художественных традиций, фиксируя специфику эллинистической культурной амальгамы.

Серебряный ритон с позолотой из частной коллекции в России стилистически изготовлен в лучших традициях изделий из Розовца, Панагюриште, Луковита и Летницы, при этом его ближайшим аналогом является все-таки ритон из Розовца (Рахманлий). Если древняя фракийская аутентичность этого ритуального сосуда подтвердится, то понадобится углубленный поиск-исследование конкретного места и времени обнаружения такого памятника культуры и, кроме того, полагаю, получит признание датировка его примерно первыми годами правления Котиса Первого (383–359 гг. до н. э.) в Одрисской Фракии.

Литература

1. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М.: Центрполиграф, 2008. 192 с.
2. Клады фракийцев. Каталог выставки. Археологический музей. Варна, 20 мая – 20 сентября 2006 г. Варна: Славена, 2006. 152 с.

3. *Никулицэ И.Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинев: Штиинца, 1987. 270 с.
4. Фракийский клад из Рогозена / Ив. Маразов. София: Балкан, 1986. 64 с.
5. Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.
6. *Василев В.П.* Бронзове съдове от некропола при Требенище. Изследвания върху античното металообработване // Василев В.П. Разкопки и проучвания (РП). Кн. XIX. София: Издателство на БАН, 1988. 124 с.
7. *Гочева Зл.* Завещано от траките. София: Отечество, 1987. 112 с.
8. *Китов Г.* Панагюрското съкровище. Варна: Славена, 2006. 127 с.
9. *Маразов Ив.* Ритоните в древна Тракия. София: Български художник, 1978. 179 с.
10. *Маразов Ив.* Съкровището от Якимово. София: Български художник, 1979. 91 с.
11. Тракийски легенди / А.Н. Фол, И.Й. Венедиков, И.Р. Маразов, Д.П. Попов. София: Наука и изкуство, 1981. 171 с.
12. Тракийското съкровище от Рогозен / А.Н. Фол, и кол. София: Издателство на БАН, 1988. 160 с.
13. *Цончева М.* Художественото наследство на тракийските земи. София: Наука и изкуство, 1971. 289 с.
14. *Fol A., Marazov Iv.* Thrace and the Thracians. London: Cassel, 1977. 160 p.
15. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa / Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Antika I. Beograd, 1956. 127 s. i Tabl.
16. Novi Pazar. Ilirsko-grčki nalaz / Ђ, Mano-Zisi, Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Beograd, 1969. 132 s. i Tabl.
17. Thracians legends / A. Fol, Iv. Venedikov, Iv. Marazov, D. Popov. Sofia press, 1976. 144 p.

Literatura

1. *Berchu D.* Daki. Drevnij narod Karpat i Dunaya. M.: Centrpoligraf, 2008. 192 s.
2. Klady frakijcev. Katalog vy'stavki. Arxeologicheskij muzej. Varna, 20 maya – 20 sentyabrya 2006 g. Varna: Slavena, 2006. 152 s.
3. *Nikulicze' I.T.* Severny'e frakijczy' v VI–I vv. do n. e'. Kishinev: Shtiincza, 1987. 270 s.
4. Frakijiskij klad iz Rogozena / Iv. Marazov. Sofiya: Balkan, 1986. 64 s.
5. Frakijiskoe zoloto iz Bolgarii. Ozhivshie legendy'. M.: Kuchkovo pole, 2013. 360 s.
6. *Vasilev V.P.* Bronzove s'dove ot nekropola pri Trebenishhe. Izsledvaniya v'rxu antichnoto metaloobrabotvane // Vasilev V.P. Razkopki i prouchvaniya (RP). Кн. XIX. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1988. 124 s.
7. *Gocheva Zl.* Zaveshhano ot trakite. Sofiya: Otechestvo, 1987. 112 s.
8. *Kitov G.* Panagyurskoto s'krovishhe. Varna: Slavena, 2006. 127 s.
9. *Marazov Iv.* Ritonite v drevna Trakiya. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1978. 179 s.
10. *Marazov Iv.* S'krovishheto ot Yakimovo. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1979. 91 s.
11. Trakijiski legendi / A.N. Fol, I.J. Venedikov, I.R. Marazov, D.P. Popov. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1981. 171 s.
12. Trakijiskoto s'krovishhe ot Rogozen / A.N. Fol, i kol. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1988. 160 s.
13. *Czoncheva M.* Xudozhestvenoto nasledstvo na trakijските zemi. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1971. 289 s.
14. *Fol A., Marazov Iv.* Thrace and the Thracians. London: Cassel, 1977. 160 p.

15. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa / Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Antika I. Beograd, 1956. 127 s. i Tabl.

16. Novi Pazar. Ilirsko-grčki nalaz / Đ. Mano-Zisi, Lj. B. Popović. Narodni Muzej. Beograd. Beograd, 1969. 132 s. i Tabl.

17. Thracians legends / A. Fol, Iv. Venedikov, Iv. Marazov, D. Popov. Sofia press, 1976. 144 p.

S.M. Krykin

Thracian Silver Rhyton with Gilding from Bulgaria

The article is devoted to the first publication of the unique art monument from ancient Thracia. The silver rhyton of the beginning of the IV century B. C. was discovered in Bulgaria about 140 years ago and then came to Russia. It was made by a Thracian master and then was presented to the king Kotys. Rhyton is originated from either an excavated barrow or a treasure found by chance. It is being kept in a private collection now.

Keywords: silver rhyton; Thracia; Kotys; Bulgaria.